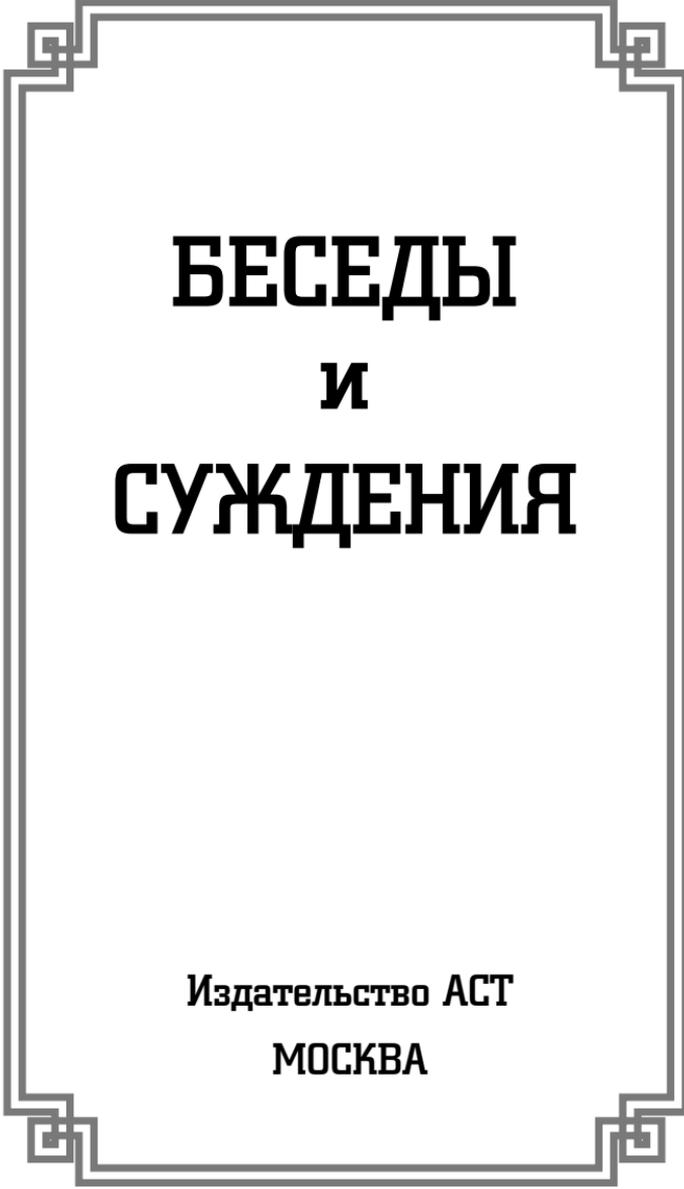

孔子

**БЕСЕДЫ
И
СУЖДЕНИЯ**

**Издательство АСТ
МОСКВА**

УДК 1(091)(510)
ББК 87.3(5Кит)
К 65

*Текст печатается по:
П. С. Попов. Изречения Конфуция,
учеников его и других лиц.
СПб, 1910*

Конфуций

К65 Беседы и суждения / перев. с кит., предисл.
П. С. Попова. – Москва.: ООО Издательство АСТ,
2020. – 352 с.: ил.

ISBN 978-5-17-120145-6

Конфуций... Его имя по-китайски звучит как Кун-цзы, а переводится как Мудрец Кун. Он был крупнейшим мыслителем и ученым. Его изречения передаются изустно из века в век. Его именем названо течение в философии, которое живет и развивается вот уже более пятнадцати веков. Его учение давно распространилось за пределы Поднебесной и обрело почитателей во всем мире. Перед читателем – поистине сокровищница древней китайской мудрости, не теряющей своей актуальности, выразительности и глубинного этического смысла и поныне.

Ученики записали его высказывания, обобщив их в книге, название которой по традиции переводится как «Беседы и суждения».

Книга проиллюстрирована многочисленными произведениями древней и средневековой китайской живописи, в том числе и выполненными по шелку.

УДК 1(091)(510)
ББК 87.3(5Кит)

ISBN 978-5-17-120145-6

© ООО «Издательство АСТ», 2019

О КОНФУЦИИ

Если верить китайцам, род Конфуция должен считаться одним из древнейших родов в мире. Они ведут его родословную за 11 веков до Р. Х. от Ци, старшего брата Чжоу-синя, последнего государя иньской династии, получившего потом от чжоуского князя Чэн-вана удел Сун. Но ближайшим родоначальником китайского мудреца, от которого он унаследовал свое прозвание, был Кун-фу-цзя, живший за семь веков до Р.Х., правнук которого и прадед Конфуция вынужден был из-за родовой вражды с влиятельной фамилией Хуа переселиться в Царство Лу, где, получив в управление город Фан, стал именоваться Фан-шу.

Отец Конфуция Шу Лян-хэ, говорят, был храбрый воин, обладавший богатырской силой, а мать его по имени Чжэн-цзай происходила из фамилии Янь. Не имея от первой жены сыновей, за исключением одного убогого Мэнни, на которого нельзя было рассчитывать как на продолжателя рода, Шу Лян-хэ, несмотря на свой семидесятилетний возраст, взял другую жену – именно Чжэн-цзай. От этой-то четы в 551 г. до Р. Х. в уезде Цзоу, которым управлял его отец, родился Конфуций. При рождении ему было дано имя Цю, а впоследствии ему дали прозвание Чжун-ни.

Имя «Цю» и прозвание «Ни» даны были Конфуцию его родителями в память о горе, на которой они молились о даровании им сына.

О детстве Конфуция, как это ни странно, мы почти не имеем никаких сведений; рассказывают только, что он любил играть, расставляя жертвенные сосуды и представляя разные обряды. Уж не послужила ли эта детская склонность к развитию в нем страсти и педантического благоговения к цере-

мониям, которые сковали всю последующую жизнь Китая?

Недостаток средств, а может быть и смутные времена удельного периода, когда было не до науки, лишили Конфуция возможности получить в молодости правильное образование, несмотря на то что у него, по его собственным словам, в пятнадцать лет была охота учиться. В девятнадцать лет он женился на девице из семейства Цянь-гуань, а в следующем году у него родился сын Ли (*кит.* – карп), которому он дал это имя, будучи тронут вниманием князя, приславшего ему в ознаменование этого счастливого семейного события пару карпов. Как бы то ни было, но тот факт, что владетельный князь удостоил Чжун-ни по случаю рождения у него сына подарком, указывает, что Конфуций, несмотря на свои двадцать лет, был уже некоторым образом известен князю. (Обычай посылать карпов в подарок по особенно счастливым и приятным случаям до сих пор сохраняется в Китае. Так, Ли-Хунь-чжан послал в 1897 г. князю Ухтомскому двух кар-

пов как выражение того, насколько он был рад его видеть.)

Вскоре после этого события мы встречаем Конфуция в качестве смотрителя хлебных магазинов, затем в должности смотрителя жертвенных животных. Так как, предстая в некоторых памятниках в качестве смотрителя хлебных магазинов, он именовался чиновником фамилии Цзи, то из этого можно заключать, что он был сначала на службе не у самого луского князя. Как бы то ни было, но служебная карьера ему, по-видимому, не улыбалась, о чем можно заключать из того, что в двадцать два года он является в качестве учителя, вокруг которого собирается немало молодых людей, жаждущих познакомиться с церемониями и истинами древней мудрости, и Конфуций, по его собственным словам, не отказывал в наставлении никому, кто являлся к нему со связкой вяленого мяса (т. е. платой за учение) и с горячим стремлением к познанию истины («Лунь-юй». Гл. VII.). Такой учительской деятельностью он занимался до тех пор, пока

ему не представился случай, благодаря богатству и влиянию двух новых учеников своих – Хэ-цзи и Нань-гуань-циншу – осуществить свою заветную мечту совершить путешествие к сюзеренному двору в столицу Ло (в Хэ-паши) для изучения на месте чжоуских церемоний и древностей и чтобы расспросить о них Лао-цзы, который будто бы был придворным библиотекарем. О свидании этих двух мудрецов ни классические книги, ни история не сохранили нам ничего заслуживающего внимания, за исключением нескольких банальных фраз. Так, например, Конфуций, после свидания с Лао-цзы, сказал своим ученикам: «О птице я знаю, что она может летать, о рыбе, что она может плавать, и о животном, что оно может ходить; птица может быть поражена стрелой, рыба поймана удочкой, а животное – тенетами. Что же касается дракона, то я не могу знать, что с ним можно сделать, потому что он на облаках уносится в небеса. Я видел Лао-цзы – не походит ли он на дракона?»

Оставляя в стороне подобные рассказы, мы должны заметить, что путешествие это, несомненно, обогатило пытливым ум Конфуция новым запасом сведений по части церемоний, истории, языка и древности и в то же время подняло его значение как ученого. Вероятно, благодаря этому число учеников его по возвращении из Ло значительно возросло.

Но ему не пришлось долго отдыхать в своем отечестве; в нем начались большие смуты, обязанные своим происхождением возмутительному поведению трех знатных фамилий – Цзи, Мэн и Шу – по отношению к своему государю, князю Чжао, который после безуспешной борьбы с ними в двадцать пятый год своего княжения принужден был бежать в соседнее царство Ци; за ним последовал туда и Конфуций. В Ци в то время княжил Цзингун. Своими политическими беседами с этим князем, которому, между прочим, на его вопрос об управлении он сказал, что доброе правление может быть только там, где государь – госу-

дарь, министр – министр, отец – отец и сын – сын («Лунь-юй». Гл. XII.), Конфуций настолько успел снискать его расположение, что князь готов был дать ему землю под аренду в Ни-ци, если бы против этого не восстал первый министр Янь-ин. Эта неприятность в соединении с недовольством этикетом, который князь хотел приложить по отношению к Конфуцию, сделала дальнейшее пребывание его в княжестве Ци довольно щекотливым, и он опять возвратился в Лу.

Он застал свою родину в состоянии ужасных смут. Чжао-гун продолжал оставаться в княжестве Ци, где вскоре и умер, и на место его был возведен брат его, известный под именем Дин-гун (509 г. до Р.Х.). Известные знатные фамилии Цзи, Мэн и Шу, державшие в руках своих государей, сами не в состоянии были обуздывать своих подчиненных; один из них – Ян-ху – открыто поднял знамя восстания. Такое положение дел заставило Конфуция отказаться от служебной деятельности на долгие годы, которые были им посвящены по-

эзии, истории, церемониям и музыке. Богатый материал для разработки этих предметов он нашел, конечно, в том, что он видел и что вывез из своего путешествия в столицу чжоуских царей. Немалое утешение он находил в учениках, которых у него была масса. Проповедник порядка и законности, мудрец едва сам не был увлечен на путь беспорядка и беззакония духом того времени, когда бесправие и необузданный произвол были общим правилом, а право и разумная свобода – редким исключением. Конфуцию был уже 51 год, когда некто Гун-шань-бунь, взбунтовавшись против фамилии Цзи, пригласил его присоединиться к восстанию. Мудрец был готов согласиться, но против этого восстал ученик его, Цзы-лу. Учитель, по-видимому, неохотно уступил своему ученику, как об этом можно заключать из следующего ответа его Цзы-лу: «По всей вероятности, он не попусту пригласил меня. Если бы нашелся человек, который бы воспользовался мной, разве я не создал бы восточное Чжоу?»

Вскоре за сим Дин-гун назначил Конфуция правителем города Чжун-ду в округе Дун-пин. В течение своего годовичного управления он до такой степени упорядочил вверенный ему город, что все окрестные правители хотели подражать ему. Такая блестящая деятельность его как администратора доставила ему более высокий пост товарища министра работ Сы-куна, затем Министра уголовных дел (Ды-сы-коу). Вслед за сим он в качестве первого министра сопровождал своего князя Дина на свидание с циским князем Цзином, имевшее место в местечке Цзя-гу, и своим тактом, осторожностью и знанием приличий до такой степени пристыдил циского владетеля, что он возвратил некоторые земли, отрезанные у Лу. Желая ослабить силу и влияние трех вышеупомянутых знатных домов, Конфуций добился того, что два из них согласились разрушить свои укрепленные города. Как министр уголовных дел он отличался полным беспристрастием в отправлении правосудия. В течение трех месяцев он, говорят, успел

настолько изменить распущенные нравы своих соотечественников, что в княжестве Лу восстановился полнейший порядок. Необычная реформа, которая при дальнейшей деятельности Конфуция должна была повести к быстрому усилению княжества Лу, навела такой страх на соседнее царство Ци, что там немедленно было решено принять меры к тому, чтобы парализовать дальнейшую благотворную деятельность Конфуция по упрочению доброго правления и порядка в Лу. С этой целью решено было прибегнуть к излюбленному в Китае средству – воздействию на чувственность правителей. В Лу немедленно было отправлено в подарок князю 80 красивейших циских девиц с музыкальными инструментами, вероятно певец. Результаты этой хитрости оказались вполне блестящими. Князь и вельможа Цзи-хуань были настолько очарованы красавицами, что не только перестали заниматься государственными делами и совершенно забыли о Конфуции, но даже после великого жертвоприношения не послали сановникам

остатков жертвенного мяса. После такого ужасного нарушения великого обряда и пренебрежения делами правления Конфуций решился оставить свою злополучную родину и направился в царство Вэй (на границе Чжи-ли и Хэ-нань).

С этого времени начинается его скитальческая жизнь по разным княжествам, продолжавшаяся двенадцать лет (с 495 по 483 г. до Р.Х.) и сопровождавшаяся разными приключениями. Так, в начале своих странствований на пути из Вэй в Чэнь (в Хэнани) он подвергся нападению со стороны жителей местечка Куан, принявших его по наружному сходству за Ян-ху, которому они хотели отомстить за его жестокое обращение. Когда сопровождавшие его ученики испугались, то Конфуций, стараясь успокоить их, сказал: «Разве после смерти Вэнь-вана просвещение не заключается во мне? Если бы Небо хотело погубить это просвещение, то без сомнения оно не сделало бы меня причастным к нему, а так как оно вручено мне, значит, Небо не хочет погубить его, а в таком случае,